

Марсель МАРСО:

БЫТЬ СВЕЖИМ, СОВРЕМЕННЫМ

Это интервью выдающегося французского актера Марселя Марсо является как бы продолжением его прошлогодней беседы, напечатанной в еженедельнике «Литературная Россия» (№ 4 за 1965 год). Недавно Марсель Марсо с большим успехом совершил гастрольную поездку по нашей стране, которая закончилась его выступлениями в Москве. Наш корреспондент снова побывал у Марселя Марсо и беседовал с ним.

Не знаю, когда произошла эта история. Может быть, давным-давно, а может, и в наши дни. Трудно сказать точно, потому что сколько стоит Париж, столько и существует в этом городе узенькая улочка, на которой тесно прижались друг к другу двухэтажные и трехэтажные дома, а люди, живущие в

Да, язык пантомимы стал нам понятен так же, как язык кино, театра, и произошло это во многом благодаря нашему знакомству с искусством Марселя Марсо. И мы рады каждой новой встрече с ним.

Он был первым актером, приехавшим в Ташкент на гастроли после начала землетрясения. Полный сбор от одного из концертов Марсо пошел в фонд восстановления города.

— Я видел людей, — рассказывает артист, — которые мужественно встретили это стихийное бедствие. Я восхищаюсь их ежедневным героизмом, героизмом тружеников, восстанавливающих Ташкент. Меня поразила молодежь, съехавшаяся со всей страны, чтобы строить этот город заново. И, глядя на них, я верю: будет построен новый город, ведь в этом участвует вся страна.

Я знаю, что людям в Ташкенте нелегко. И поэтому для меня было особенно важно выступать перед ними, силой искусства помочь им. Ведь вдохновение артиста передается со сцены в зрительный зал, и оно должно заражать зрителя.

Вдохновение артиста. Оно подобно энергетическому полю большой мощности, захватывающему весь зал, который, затаив дыхание, напряженно следит за каждым движением актера. А тот, окрыленный верой зрителя, царит на сцене среди создаваемых им образов.

В программе этого года Марсо показывает семь пантомим, тематически объединенных названием «Семь смертных грехов». Актер по-своему трактует библейские грехи, показывая на современных сюжетах их природу.

— Это грехи не в их библейском толковании. Мне хотелось показать, что зависть, лень, жадность, ханжество и гордыня наносят вред всем. Показать пороки мало — его нужно высмеять, разоблачить. Поэтому я использовал в «Семи смертных грехах» метод контраста. В пантомиме «Зависть» рядом с маститым скульптором работает талантливый ученик, которому удается преодолеть навязанное учителем подражание. Гордыню генерала вскрывает игра в шахматы: не желая кому-либо проигрывать, он предпочитает играть сам с собой. Лицемерие ханжи — этого современного Тартюфа — проявляется после благотворительного обеда, когда он, запершись в своей комнате, обещается.

Эта пантомима, кстати сказать, имела огромный успех в странах Латинской Америки, где сильно влияние католицизма.

Людям часто приходится убеждаться в лицемерии служителей церкви, извлекающих солидный доход из приношений верующих.

Таким образом, в творчестве Марселя Марсо продолжается комедия характеров — подлинная «человеческая комедия», комедия ярких образов, острых ситуаций, социальных конфликтов. Они ошутимо встают перед зрителями, и в зале во время концерта Марсо нет равнодушных.

И, как прежде, вместе с Марселем Марсо в Москву приехал его неизменный Бип, парижский гамен, философ и мечтатель, поэт и насмешник. Но при всей «знакомости» этого удивительно жизнерадостного и малого героя Марсо в программе 1966 года Бип чуть-чуть другой. Вот, например, новая пантомима — «Бип-солдат». Это баллада о солдате, поэтическая песня, рассказывающая ту единственно возможную правду о войне, которую может и должен поведать честный художник. Нелепость и ненужность войны, вызываемых ею жертв и разрушений — точно и предельно ошутимо показал Марсель Марсо в своей пантомиме, имеющей явную антимилитаристскую направленность.

— Я ненавижу войну. Мне хочется показать ее противостоителю. Наверное, это особенно хорошо понимают в вашей стране, которая вынесла на себе всю тяжесть гитлеровского нашествия. Я думаю, что задача актера пантомимы — показать мир таким, как он есть. Его многогранность. Мир вещей должен быть предельно ошутим для зрителя. Мир людей — предельно ярок.

Этой предельной ошутимости и предельной яркости сценического воплощения Марсо достигает при помощи минимальных изобразительных средств. Он один на сцене. Легкое движение руки — и зритель видит порхающую весенним днем бабочку, еще одно движение, плавное, округлое, — и вот уже Бип вместе со своей возлюбленной прогуливается в лесу...

Язык пантомимы Марсо отточен и лаконичен. И этот лаконизм дает возможность актеру не только показать мир таким, каков он, но и расставить в нем акценты, рассказать, что актер принимает и что отвергает, чему радуется и чем возмущается.

Я невольно вспомнил свой прошлогодний разговор с Марселем о внутреннем духе его героев. Тогда он сказал мне: «Внутренний дух моих героев — борьба за свое собственное «я», за человеческое достоинство». Сейчас этот «внутренний дух» заметно окреп, сформировался и властно заявляет о себе. Герои Марсо действуют в реальном мире, и у каждого — свое отношение к нему.

Об отношении человека к современности, к миру, в котором мы живем, ярким языком искусства пан-

*aux lecteurs de
«Littérature Russe»
à leur fidèle ami
Bip, leur vaillant
et courageux
MARCEL MARCEAU*

Читателям «Литературной России», моим верным друзьям. Рад новой встрече с вами — от всего сердца — Бип. Марсель Марсо.

томимы и рассказывает Марсо. Его сценическое повествование можно дополнить некоторыми подробностями. Мне довелось их недавно услышать от самого актера, поделившегося мыслями о своем повзрослевшем Бипе.

— Ему, этому взрослому Бипу, нужна труппа. Люди научились понимать язык пантомимы — теперь надо «говорить». Говорить о великом и малом, о всем том повседневном, из чего складывается сама жизнь. Ведь все, даже на первый взгляд незначительные явления нашей жизни создают то, что становится историей. И в этих повседневных явлениях жизни в людях можно увидеть то, что с огромной силой проявляется в их поступках в критические моменты истории. Нужно уметь увидеть эти проявления, а увидев, показать. Потому что исторические моменты в жизни того или иного народа не наступают внезапно, их готовит повседневная жизнь.

Марсо много думает о тех переменах, которые происходят в мире. И не случайно показалось мне то, что говорил Марсель о своих гастролях в ФРГ.

— Я знаю, что среди тех, кто смотрел мои концерты в Западной Германии, были люди, которые творили зверства во время войны. Они не пишут на своей груди: «Я — эсэсовец». Нет, они аплодируют вместе со всеми. Может быть, они избежали наказания, но наказание неотвратимо, это неотвратимое наказание за преступления нацизма возникла одновременно с самим его появлением. В Польше мне рассказали, как в одном из концлагерей фашисты собрали оркестр из музыкантов евреев. Этот оркестр должен был играть в то время, как узников отправляли в газовые камеры. Оркестр играл рекем Верди. Под его звуки тысячи жертв — русских, французских, поляков — отправлялись в свой последний путь. А потом вслед за ними в газовые камеры был отправлен и оркестр. Фашисты из лагерной охраны смеялись над оркестрантами: мол, играют на своих похоронах... Горько, страшно...

И вместе с тем я вижу в этом эпизоде всю неотвратимость крушения фашизма, его историческую обреченность. Нацисты сумели превратить значительную часть немецкого народа в свое послушное орудие. Но на пути фашизма встал великий народ России. Его мужество героизм помогли возникновению Сопротивления, определили крушение фашизма в Европе.

К сожалению, сейчас фашисты снова поднимают голову, становятся на ноги. И мимо этого искусство не должно пройти.

Проблему гражданственности искусства Марсель Марсо связывает с мастерством художника, с характером и направленностью его творчества.

— Актер должен быть свежим, современным, тогда он дает вдохновение зрителю. Если этого нет — значит актер стареет. А он и его творчество должны быть свежими, подобно живописи. Ведь, глядя на картину мастера, нельзя сказать, в каком возрасте он ее создал. А свежесть актера во многом зависит от точности его языка. Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой, Чехов выражали свое время, дух русского народа посредством слов. Точно так же мим обязан средствами своего искусства — жестом, движением — воссоздавать время, дух своих героев.

Люди понимают мима, когда он точен. Мим своим телом воссоздает магию момента, ситуацию. Он показывает умонастроение в ключевые моменты, создавая образ человека любящего или ревнующего, развлекательского или умиляющего. Иногда достаточно одно движение, чтобы создать настроение, но это движение должно быть точным.

Точность. Это, собственно, очень емкая характеристика всей работы Марсо на сцене. Как Мастер масок, он создает предельно выразительные образы, надолго остающиеся в памяти и сердце зрителя. И каждая встреча с героями Марселя Марсо — это праздник, праздник встречи с большим искусством большого мастера.

Владимир ЗАТКИН

— Каждый мой приезд в вашу страну, — говорит Марсель Марсо, — это радостная встреча с друзьями искусства, с друзьями пантомимы. Кан и во многих странах мира, ваши зрители полюбили моих героев. И я счастлив, что язык пантомимы ясен людям.